

УДК 130.2

**ОБ АНАЛИЗЕ РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ ДИСКУРСА
КИНО И ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА****ANALYSIS OF THE REVOLUTION RELATIONS IN THE CONTEXT OF MOVIE
DISCOURSE AND HISTORICAL DISCOURSE****О.С. Борисова
O.S. Borisova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: borisova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: революция, кино, дискурс, методология, событие.
Key words: revolution, movies, discourse, methodology event.

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения дискурса кинематографа и дискурса исторического, которые сталкиваются в анализе фильмов о революции. Отмечается, что исследование революции как события должно опираться на принципы деконструкции и историизации.

Resume. The article considers the problem of correlation between movie discourse and the historical discourse that encountered in the analysis of films about the revolution. It is noted that the study of the revolution as an event must be based on the principles of deconstruction and historiization.

В ряде наших работ мы уже рассматривали аспект возможности реализации события средствами кино. Этот глобальный вопрос влечет за собой целый ряд других. Способен ли знак в кино к трансляции события? Возможна ли репрезентация события средствами кино? Мы позволим себе продолжить наше исследование этой проблемы и обратиться к понятию дискурса кинематографа и исторического дискурса. Поскольку проблема знака как такового не может рассматриваться изолированно от культуры, социума, истории, политики. Следовательно, от рассмотрения «языка» кино необходимо перейти к исследованию кино как дискурса, множественности, включающей не только знаково-символические средства и образы, но также уровень широкой социокультурной обусловленности.

Словарное определение дискурса фиксирует следующее значение этого слова: «дискурс – вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности» [Новейший философский словарь, С.327]. Этимология отсылает к исходному значению латинского термина «discutere», что означало «обсуждение», «переговоры», «перебранка».

В эпоху Возрождения дискурс связывается со значением «пустой» речи («говорить много и ничего при этом не сказать»), а также рациональной процедурой извлечения смысла, по сути способом мышления «...который при помощи совершенного способа выражения артикулирует способности разума и извлекает скрытые истины из существа предмета» [Касавин, С. 352]. Новое время оформляет указанное размежевание смыслов и дискурс воспринимается как способ оформления научного знания в эссеистическом стиле, либо как рационализированная процедура мышления подчиненная законам логики [Касавин, С. 352].

В XX веке в рамках неклассической философии происходит значительное переосмысление понятия дискурс, особенно в таких ее направлениях как структурализм и постструктурализм. Не останавливаясь подробно на историко-философском анализе концепций дискурса, остановимся на ставшей классической концепции дискурса М. Фуко, что в полной мере отвечает нашим целям. Поскольку данная концепция помещает дискурс в контекст феноменов власти и знания, власти (и политики как ее проявления) и процессов смыслопорождения. При этом мы должны оговориться о специфическом понимании власти у М. Фуко, поскольку она не отождествляется непосредственно с законом, но являет собой

«...многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются, усиливаются, переворачиваются» [Foucault, P. 122]. Власть не сводится только к господству и подчинению, но также к функции конституирования.

Власть предстает не столько внешней силой, сколько внутренней, пронизывающей социальность и движущей конкретным индивидом. Именно поэтому знание и власть гомогенны друг другу, будучи воплощены в дискурсе. Сам дискурс, определяемый Фуко как совокупность высказываний, организованных в соответствии с механизмами «рассеивания» и «сцепления», наделен качеством избирательности и недостаточности, поскольку делает возможным одно знание и не возможным другое.

Поскольку исходным «элементом» дискурса у Фуко является высказывание, представляется важным соотносить его с образом и далее оценить возможность применения фукианского анализа в сфере кино. Это предприятие выводит высказывание из привычного круга понятий его сопровождающих и направлено на поиски все того же качества избыточности. Перефразируя, можно предположить избыточность не только дискурса как целого, но и избыточность высказывания как части. В этом ракурсе высказывание действительно выпадает из категориального ряда семиотики и нагружается более метафизическим, позволяет соотносить его с категорией смысла. Две параллели, знакопроизводство и смыслопроизводство оказываются неравнозначны: «... Фуко говорит о том, что отношение высказывания к тому, что высказывается, не совпадает ни с какими другими отношениями. Отношения, которые оно поддерживает с тем, что высказывает, не тождественны совокупности правил применения. Только внутри определенных отношений высказывания можно установить отношение позиции к референту и фразы к ее смыслу» [Археология знания, С. 52].

Категория смысла является определяющей в фукианской версии высказывания, что позволяет соотносить его с трактовкой кино-образа у Делеза. Высказывание, как и образ в кино, можно описать в категориях актуальности и виртуальности, в соответствии с указанием избыточности. Высказывание лишь одна из возможностей, осуществленная, актуализированная в конкретных исторических условиях, что соотносимо с виртуальностью образов у Делеза (и также Бергсона).

Можно также предположить, что событие как разрыв в наследовании и воспроизводстве смысла будет связан со сменой дискурса, а точнее того, что Фуко называет дискурсивными практиками. Под ними он понимает: «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [Археология знания, С. 53]. Собственно подобные смены дискурсивных формаций М. Фуко и исследовал в ряде своих работ («Рождение клиники: Археология врачебного взгляда», «Слова и вещи», «Археология знания», «Надзирать и наказывать», «История сексуальности»).

Выявленные параллели между образом и высказыванием как «атомами» кино и дискурса позволяют нам обратиться к той концепции анализа дискурса, которую предложил М. Фуко и обозначить следующие основные этапы анализа дискурса у М. Фуко:

- анализ формирования объектов;
- анализ формирования модальностей высказывания;
- анализ формирования понятий;
- анализ формирования тематических стратегий.

Первый этап – формирования объектов – связан с выяснением вопроса о возникновении высказываний как объектов дискурса, что конкретизируется в выяснении:

– «поверхностей возникновения» высказываний или «полей первичной дифференциации». Тех пространств, в которых высказывание возникает.

– описанию «инстанции разграничения», определение границ объекта путем сопоставления с другими объектами.

– анализ «решеток спецификации», который ставит вопрос о системе, что делает разрозненные объекты дискурса дискурсом – системой. Правила собирания высказываний в дискурс, которые Фуко формулирует следующим образом: «Такое формирование объектов обеспечивается совокупностью отношений, установленных между инстанциями

возникновения, разграничения и спецификации» [Фуко, С. 99]. Высказывания привлекаются, становятся дискурсом если соответствуют правилам дискурса.

Второй этап – формирование модальностей высказывания – представляет собой выяснение позиций, занимаемых субъектом дискурса, говорящим. Все это предполагает:

- ответ на вопрос «Кто говорит?», описание говорящего, его статуса, права использования дискурса (которым обладают далеко не все).

- анализ «институционального местоположения», тех институций, к которым принадлежит говорящий.

- анализ положения субъекта дискурса по отношению к различным областям и группам объектов, тех возможностей, которые может занимать говорящий, относительно высказывания.

Третий этап, обозначенный как «формирование понятий», связан с описанием «полей высказываний», в которых они возникают и изменяются. Эта часть анализа конкретизируется в следующих подэтапах:

- анализ «форм последовательности», который связан с определением «упорядоченности рядов высказываний», а также «типов зависимостей».

- анализ «форм сосуществования», включающий «поля присутствия», образованные всеми уже сформулированными высказываниями, а также «поля сосуществования», высказывания, затрагивающие иные области объектов, но действующие среди изучаемых высказываний, и «область памяти» – высказывания, которые не привлекаются в пространство дискурса, но как-бы подразумеваются, присутствуют в нем не явно.

- анализ «процедур вмешательства» – правил «перевода», изменения высказываний. Того, что происходит с высказываниями, и того, что можно с ними делать.

Четвертый этап – формирование стратегий – связан с анализом совокупностей высказываний, которые Фуко называет стратегиями. Задача на данной уровне анализа заключается в том, чтобы узнать, как стратегии распределяются в истории. Это возможно при выяснении следующих моментов:

- определении точек несовместимости, эквивалентности, пересечения и сцепления высказываний, «точек дифракции».

- изучении «устройства дискурсивной констелляции» – отношений дискурса с соседствующими дискурсами.

- изучение функций дискурса «в поле недискурсивных практик», что предполагает также анализ способов и правил присвоения дискурса и желаний дискурса.

Последний этап дискурс-анализа М. Фуко, подтверждает наше ранее высказанное предположение о конечной сборке, ранее обособленных, деконструированных высказываний-образов в контексте или пространстве уже «недискурсивных практик». То есть, обладая собственной логикой организации высказываний, дискурс имеет и внешнюю детерминацию. Вся совокупность вопросов заданных по Фуко: где возникает высказывание, кто говорит, откуда говорит? – завершается вопросом о согласовании того, что было уже сказано с наступающим дискурсом. Речь идет о разрыве в повествовании или об истории, трактуемой как смена дискурсивных формаций.

Здесь уместно вспомнить слова М. Фуко о необходимости изучения истории с позиции современности, но другое и невозможно.

Такая позиция, в определенной степени, есть продолжение марксистских взглядов о решающем влиянии среды на человека (схема: среда – сознание – человек – действие – среда). Под средой в данном случае можно понимать все то, что окружает человека (в данном случае конкретизация характера среды не важна, важен принцип). В определении характера этого влияния мы доверимся мнению американского философа Фредерика Джеймисона, который говорит о приоритете и доминировании визуального в современности. «Визуальность для него – это не просто новейшая «примесь» к филологической субстанции культурных реалий, не культурный «крен», возникающий относительно некоей классической сбалансированности, это базовый модус существования современной культуры «позднего капитализма», общий принцип структурирования ее продуктов» [Горных: Повествовательная и визуальная форма...]. Все значения и смыслы, по Ф. Джеймисону, обретают себя лишь в пространстве визуального [Jameson, P.1.]. Но что более важно, визуальный опыт есть возможность обретения любого другого опыта, он придает опыту форму, структурирует его.

Вместе с тем, взгляд-познание для Ф. Джеймисона не нечто отвлеченное, а конкретное – «историизированное». Она позволяет определить параметры взгляда. Избежать

рассматривания ради самого рассматривания, того, что Джеймисон определяет как «порнографическое» рассматривание. Тем самым «историизация» выступает инструментом, позволяющим исправить изначальную ущербность визуального. Постоянно возвращает взгляд к объекту, фокусирует на нем.

Этот же метод применяет Джеймисон и для анализа самой визуальности. Визуальной форме культуры предшествует «реализм» - раннекапиталистическая культурная парадигма, существовавшая с XVII по сер. XIX века. Суть данного периода определяется нарративной формой. Нарратив, «повествование», есть некий способ упорядочивания мира, организации себя. Вот как описывает его А. Горных: ««Повествование» - один из ключевых терминов (пост)марксистской концепции Джеймисона. С одной стороны, реалистическое повествование как жанр западноевропейской литературы, берущий свое начало в новелле Возрождения и совершенствуемый до великих романов XIX в., является «после-образом» (after-image) реальных социальных практик и напряжений торгово-купеческой активности становящегося капитализма... С другой, Джеймисон рассматривает повествование не просто как литературный жанр, эстетическую форму, но как возможность беспрепятственного соотнесения с трансцендентальным по отношению к индивиду планом существования - со Временем и Историей» [Горных: Повествовательная и визуальная форма...]. Являясь выражением традиционного, архаического мировосприятия, «повествования» организуют темпоральный опыт человека. Они же гарантируют его включенность в различные бытийственные общности, от социальных, до коммуникативных и ценностных.

Нарративная форма мировосприятия сменяется визуальной, вместе с развитием логики капиталистических отношений, что фиксируется Ф. Джеймисоном понятием «реификация» [Горных: Повествовательная и визуальная форма...]. Реификация в данной интерпретации не ограничивается исходным значением «овеществления» отношений людей, а трактуется гораздо шире: 1) как «фрагментаризация и специализация социального поля»; 2) как «автономизация социальной жизни»; 3) как «товарная фетишизация» [Горных: Повествовательная и визуальная форма...]. Историизация претворяется в реификации, которая есть логика развития не только капитализма, но модерна в целом.

Антропологический смысл вышеизложенных положений заключен в визуальности восприятия современного человека. «Мировоззренческая оптика» действительно является оптикой, мировоззрение действительно зрением, самодостаточным взглядом незаинтересованного наблюдателя. За «смертью автора» следует «большой брат», который все видит, но которому «все равно». Дурное скольжение взгляда прерывается, по Ф. Джеймисону, лишь усилием историизации. Взятая в своем методологическом измерении, она позволяет говорить о реификации, заключающейся во фрагментаризации, специализации-функционализации, формализации-автономизации.

Возникает своеобразная ситуация деконструкции деконструируемого. В данном случае мы сознательно следуем логике модерна-постмодерна и избегаем синтеза и поиска общего. Нами движет «предпочтение сегментов и изолированных объектов как способ уклониться от рассмотрения тех единств высшего порядка, тотальностей, в случае анализа которых исследователь в конечном счете пришел бы к весьма дискомфортным социальным и политическим выводам» [Jameson, P. 24]. Доводя до логического завершения этот принцип сегментизации, мы утрируем и сегментируем сегменты, рационализируем рационализированное. Используя, по сути, лишь те инструменты, которые нам единственно доступны, мы можем лишь надеяться, что в остатке что-то останется. Некий атом антропологических и социальных проявлений. А сам принцип обернется своей противоположностью, то есть отвергнутым ранее синтезом и конструированием.

Все сказанное выше позволяет нам обратиться уже к конкретному, к применению метода историизации к историческому (историческое как относящееся к прошлому), каким является революция и «революционный субъект». По-прежнему оставаясь на дистанции, не давая конкретных определений самой революции, мы лишь фиксируем её историчность, а значит должны обосновать понятие истории.

Следуя избранной методологической схеме, история предстает как прошлое, наделяемое Ф. Джеймисоном рядом значений, с которыми мы соглашаемся: «...понятие Истории предстает как единство двух содержательных уровней: истории как внешнего социально-экономического бытия людей в смене своих типов во времени и как внутренней формы опыта (обыденного, эстетического, философского и т.д.) обитателей данного времени» [Энциклопедия, 2001: С. 219]. История является сложным синтезом внешнего -

капиталистического способа производства (сочетанием производственных сил и производственных отношений), и внутреннего – строящегося по данной схеме формы восприятия мира.

Так для интересующей нас эпохи модерна (развитого капитализма), характерен процесс овеществления, при котором связь между потребительской и меновой стоимостью прерывается. Меновая стоимость получает самостоятельное, господствующее значение. Капиталистический способ производства, характеризующийся отчуждением, в своем развитии достигает того этапа, когда в схеме обмена потребительская стоимость поглощается рыночной. Из неё исключается фигура производителя-потребителя, которая превращается в знак. Знак как самодовлеющий участник рыночного обмена, отделенный от означающего; так как он является тем «слабым звеном», которое не соответствует рационализации – ведущему принципу капитализма [См.: Вебер: Протестантская этика и дух капитализма].

Производитель-потребитель есть та фигура, которая несет на себе черты архаического. Так М. Вебер отмечал, что традиционализм есть препятствие на пути капитализма. Человек во всей его полноте не может участвовать в обмене только рационально, исключая все другие измерения. Об иных сторонах процесса производства и потребления мы находим у Ж. Бодрийара в «Критике политической экономии знака», где он выделяет помимо «экономической логики меновой стоимости», «логику потребительской стоимости» (область пользы), «логику символического обмена» (отношения дарения), а также «логику стоимости\знака» (статусные отношения) [Бодрийар, С. 64]. Причем можно говорить о том, что логика рынка выступает вместе с логикой знака против остальных. По Бодрийару «логика стоимости\знака» есть логика различия, статуса и знака. Именно знак роднит эту логику с логикой рынка. Из соединения этих логик следует двойное овеществление человека, его «пленение» у мира вещей-знаков. На уровне сознания этим процессам соответствует смена нарратива визуальностью (по Ф. Джеймисону), как формы восприятия мира.

Вместе с тем, при анализе революции как исторического, принадлежащего истории, мы сталкиваемся с нарративами повествованиями современников революции и проч. И, несмотря на их визуальное восприятие, необходимо дать им определение.

Повествование является продуктом истории. Но в то же время история «живет» в повествовании. Нарратив есть место бытия прошлого. Франк Анкерсмит выражается по этому поводу более точно, говоря о том, что «...исторические повествования являются репрезентациями прошлого» [Анкерсмит, С. 9]. Он (нарратив) есть то, что делает прошлое вновь актуальным, присутствующим. И это неперемное условие повествования задает вопрос о соотношении прошлого и самого нарратива (так называемой «логики репрезентации»).

Рассмотрение соотношения есть вопрос уяснения истинности повествования. Решить его, возможно разложив нарратив на некоторые единичные высказывания, после чего выяснить их истинность. Однако нарратив не сводим к единичным высказываниям, он всегда нечто большее: «...отношение между репрезентацией и тем, что она репрезентирует, отличается от отношения между истинным высказыванием и тем, относительно чего оно является истинным. В репрезентации есть неопределенность, которая не имеет своего аналога в случае истинного высказывания» [Анкерсмит, С. 10]. Анкерсмит определяет эту неопределенность как метафорическую. Повествование есть всегда определенная позиция автора и упорядочивание нашего знания о прошлом. И даже еще более шире, упорядочивание опыта о мире: «наше прошлое является наиболее удобной матрицей для овладения способностью упорядочивать высказывания о реальности последовательным образом» [Анкерсмит, С. 22]. Поэтому предпочтительным (более приближенным к представлениям о прошлом) является тот нарратив, в котором преобладает целое над частью, метафора над единичным высказыванием.

Не менее сложной является затронутая нами проблема истинности нарратива (именно о ней, а не об истинности единичного высказывания пойдет речь), и его уточнения. Так, например, возникает вопрос о том, будет ли являться нарративом художественное произведение (возможно ли его использование в качестве достоверного, репрезентативного источника) и дает ли оно истинную информацию? Можно ответить, что истинным будет только повествование историка, опирающееся на истинные единичные высказывания. О чем, в частности, говорит Коллингвуд: «...произведения историка, и произведения романиста, будучи продуктами воображения, не отличаются в этом смысле друг от друга. Разница, однако, в том, что у романиста только одна задача – построить связную картину, картину

обладающую смыслом. У историка же двойная задача: он должен, как и романист, построить осмысленную картину, и вместе с тем эта картина должна быть и картиной вещей, какими они были в действительности, и картиной событий, какими они случились в действительности» [Коллингвуд, С. 232].

Мы оставим этот вопрос открытым в этом ракурсе и переведем его в иную плоскость. Повествование как оно есть сложно наделить значениями истинности или ложности, но «визуальное» рассмотрение снимает, на наш взгляд, это противоречие. Уравнивая в «правах» исторический нарратив и роман. Как объекты «разглядывания» они одинаково значимы. Это утверждение основывается на уверенности в том, что не существует Субъекта познающего историю, есть лишь Зритель, равнодушно разглядывающий образы: «...мы верим в реального Субъекта, движимого потребностями и сталкивающегося с реальными предметами, то есть с источниками удовлетворения...Предмет, потребление, потребности, стремления, - все эти понятия необходимо деконструировать...» [Бодрийар, С. 59]. Собственно это требование применимое к истории воплощается в историизации.

Деконструкция, являющаяся не результатом нашего стремления, а данностью, единственно возможным, уравнивает повествования и образы, делает их неразличимыми. Уже нет возможности рассматривать революции прошлого, вне контекста современных революций. Произошло совмещение прошедшего и настоящего, коренной переворот в опыте восприятия темпоральности, которым мы связываем с господствующими практиками социально-экономической формации капитализма.

Капиталистическое производство вносит существенные изменения в традиционные представления о времени. Существовавшее «до» время традиционного общества было неразрывно связано с природой, её циклами. Земледелие, скотоводство и другие занятия утверждали этот опыт, фиксирующийся в мифе. Экономическое производство разрывает эти представления. На смену циклическому и повторяемому времени приходит линейное и необратимое: «победа буржуазии – это победа глубинного исторического времени, так как оно является временем экономического производства, постоянно снизу доверху преобразующего общество. Пока сельскохозяйственное производство остается основным трудом, циклическое время, все еще присутствующее в глубинах общества, питает объединенные силы традиции, которые вот-вот затормозят движение. Но необратимое время буржуазной экономики искореняет такие пережитки по всему миру» [Дебор, С. 84].

Новое время, свойственное капитализму, оказывается «временем вещей» (термин Ги Дебора). Это время неразрывно связанное с производством и на него переносятся свойства, присущие товару (можно вспомнить всем известную поговорку «время – деньги»). Вещное время лишается качества и становится эквивалентным, таким же товаром, как и все остальное. Вместе с тем прошлое (история), выступает товаром особого рода. История не является временем производства вещей, но имеет значение в качестве отторгнутого, отключенного времени. Времени реализовавшегося принуждения, реализации власти: «...буржуазия заставила признать и навязала обществу необратимое историческое время, но откало общество в его использовании. «История была, но её больше нет», потому что класс владельцев экономики, который уже не в состоянии порвать с историей экономической, должен также подавить как непосредственную угрозу всякое иное необратимое применение времени» [Дебор, С. 85]. Практики узурпации истории господствующим классом сводятся к все той же визуальности, расщеплению «исторической ткани» повествования на образы. Все это ведет к девальвации истории и возможности манипуляции.

Так то, что мы обозначаем как революцию, это явление или объект, в пространстве истории неоднократно изменяет себе, скрывается, меняет «цвета». Безмолвие, неназванность революции для России прерывается Великой Французской революцией, поставившей несомненную точку отсчета в шкале исчисления истории.

Таким образом, мы имеем единственную возможность рассмотрения проблемы революции сквозь призму визуального, что, тем не менее, не снимает вопроса о методе исследования.

Повествование и образ, слившиеся в визуальности, объединяются понятием репрезентации (историческое повествование - репрезентация прошлого). Такое понимание повествования отсылает нас к трактовке репрезентации в русле традиции феноменологической концепции А. Шюца и социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана. Когда репрезентация понимается не столько как адекватное отражение реальности, сколько как соотносимая с другими репрезентациями. Таким образом, вопрос истинности решается

путем уравнивания в правах исторического факта и художественного образа, а также образа и повествования в визуальности.

Историческое повествование и взгляд-образ как итог рассматривания равны как объекты применения взгляда, как репрезентируемое.

Репрезентируемое, как являющееся вновь, в самодовлеющих текстах-образах, отражается во всей своей полноте в понятии дискурса. Дискурс позволяет более точно определить то, что ранее мы называли результатом рассматривания.

В целом такая концепция (рассмотрения исторического и настоящего как некой совокупности автономных взглядов) ставит вопрос об изменении взгляда на историю как нечто целостное, раз и навсегда определенное. Это особенно важно для нас при рассмотрении избранной темы. Это вопрос об историческом и его исследовании.

Логика разделения, которой мы следуем, вслед за М. Фуко предлагает нам избавиться от ряда понятий, относящихся к «противоположному лагерю». Среди них понятия традиции, влияния, развития и эволюции, а также «ментальности» и «духа». Которые являются скрепами событий, объединяют их в строгие последовательности, то есть, по сути, делают историю: «...вместо того чтобы по-прежнему допускать их произвольное использование, заботясь о методе, лучше согласиться, хотя бы при первом приближении, иметь дело только с популяцией рассеянных событий» [Фуко, С. 63].

Из всех разделов исторической науки только археология обладает привилегией соприкасаться с вещами. Все остальные довольствуются текстами. Однако вещи неизбежно должны помещаться в некий контекст и тем самым становиться текстом.

Вместе с тем мы не можем положиться и на единство текста и автора, которое подвергает сомнению М. Фуко [Фуко, С. 66-68]. Автор, равно как и произведенный им текст не образует того «элементарного» истории, что можно подвергнуть анализу. Таким образом, вместо привычных нам единств остается пространство дискурса, образованное автономными и самодостаточными взглядами-высказываниями (текстами-образами): «Действительно, как только все эти непосредственные формы непрерывности на время устранены, сразу же высвобождается целая область. Область безграничная, но которую все же можно определить: она образована совокупностью всех существующих высказываний (неважно, устных или письменных) в их событийном рассматривании и в инстанции, присущей каждому из них» [Фуко, С. 72].

Таким образом, важными принципами, предшествующими собственно анализу революционного кино, будут являться принципы деконструкции и историизации. Деконструкция как установка на восприятие киноповествования как совокупности сингулярностей, организованных дискурсивно и событийно. Историизация как необходимость диахронного анализа события-репрезентации или исследования смены дискурсивных формаций, нахождения точки их рассогласования или нарушения «верности» событию по А. Бадью.

Список литературы References

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Бодрийар Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2003. 258 с.
3. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Изд-во «Логос», 2000. 184 с.
4. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 544 с.
5. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.
6. Новейший философский словарь. М.: Книжный дом, 2003. 1280 с.
7. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 416 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
9. Foucault M., Histoire de la sexualite 1. 1976.
10. Jameson F. Signatures of the visible. New York: Routledge, 1990.
11. Jameson F. The prison-house of language; a critical account of structuralism and Russian formalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972.